

Дмитрий Хворостовский:

«Перед русской публикой петь просто страшно»

22.11.2017

В декабре 2000 года, почти 17 лет назад, Дмитрий Хворостовский встретился на Арбате с театральной общественностью.

Я записывала его ответы на простые вопросы из зала.

Так как этого материала нет в интернете, я сейчас набрала его и – вот, выкладываю (это единственное, что я еще могу сделать). Он был опубликован в газете «Вечерний клуб» 22 декабря 2000 года.

Переполненный зал Дома актера старался не дышать. Хворостовский то пел – «Сомнение» Глинки, «В молчанье ночи тайной» Рахманинова; и Свиридова, и неаполитанскую песню, и русскую, конечно, – то отвечал на вопросы публики.

Хотя признался, что голос у него плохо выдерживает такое чередование.

Время от времени прихлебывал «Святой источник» из горла.

Если учесть, что в первом ряду в двух метрах от выступающего сидели Михаил Ульянов и Павел Лисициан с Зарой Долухановой, то восемь блестящих номеров, можно поверить, дались Хворостовскому как серьезный экзамен.

К концу встречи его элегантный костюм заметно помялся, а сам он производил впечатление человека, который выложился на все сто.

Ну, а что за разговор у него был с залом – читатели должны знать непременно.

– Какие у вас отношения с прессой?

– У меня с прессой никаких напряженных отношений нет. Это часть моей профессии. Как бы пресса ни была тяжела на руку – я должен с ней работать.

– Даете ли вы мастер-классы?

– Мне предлагали много раз. Но я не хочу. Дважды отказался от мастер-класса в США. Что можно объяснить за пятнадцать минут?

Я могу только объяснить, как открывать рот. Научить петь вообще нельзя. Но помочь можно. Хотя я лично не берусь. Вообще мне кажется, что мастер-класс – это скорее шоу, чем серьезная работа.

– Чем занимаетесь, кроме музыки?

– Год назад я снялся в фильме-опере «Дон Жуан» в Канаде. Эта компания знаменита фильмами «32 этюда из жизни Гленна Гульда», «Красная скрипка», документальным фильмом «Шостакович против Сталина».

Я исполнил в «Дон Жуане» две роли – и заглавную, и Лепорелло. Лично мне в этом фильме не все нравится. Но для меня была нова сама возможность поработать в амплу киноактера.

Говорят, получилось неплохо. А пока я на себя на экране смотреть не могу. Меня коробит. Мне нравятся только два фрагмента: серенада Дон Жуана и финал.

– Есть ли у вас кумиры?

– Я уже вышел из этого возраста. Лет десять назад еще были, я слушал их со слезами на глазах... Но учусь я постоянно. Всю свою сознательную жизнь я занимался музыкой, причем классической. Отец собрал огромную фонотеку. Сейчас я ее значительно пополнил. Я люблю золотую эпоху 50-х лет. Это Мария Каллас, Тито Гобби, Джузеппе ди Стефано.

– Георгий Свиридов посвятил вам свой последний вокальный цикл «Петербург» на слова Блока. Расскажите о Георгии Васильевиче.

– Он был крайне избирателен в человеческих общениях. В последние два года действительно работал с нами. *(Насколько я помню, в Доме актера Хворостовскому аккомпанировал Михаил Аркадьев. – Н. З.)* Ведь еще в 1995 году мы с пианистом Михаилом Аркадьевым повезли по всему миру его цикл «Отчалившая Русь».

Но говорить о Свиридове мне очень трудно. Он был мне как дедушка. Я его очень сильно любил и люблю. То, что мы были знакомы и я пел его музыку – самый благословенный в жизни подарок. Не со многими такое происходит.

Я очень счастливый человек. Где бы мы ни исполняли «Отчалившую Русь», «Петербург», Пушкинский цикл, какая бы ни была публика по воспитанию, на каком бы языке она ни говорила – все в конце встают и плачут.

И это не наша заслуга. Мы только проводники. К сожалению, при жизни Георгий Васильевич не получил мирового признания. Но это произойдет. Потом что он, может быть, последний из плеяды великих композиторов.

– Но он присутствовал на мировой премьере «Петербурга» в Лондоне?

– Да, он тогда приехал. Мы особо тщательно готовились к выступлению: встречались с журналистами из разных английских газет, устраивали пресс-конференции. Два лондонских концерта – это была его лебединая песнь.

Он под овации публики выходил на сцену. Потом, когда он уехал, газеты устроили обструкцию, как и 25 лет назад, когда Федосеев привозил в Англию его «Патетическую ораторию». К счастью, Георгий Васильевич об этом никогда не узнал. По реакции публики он был уверен в грандиозном успехе. А рецензии эти, я думаю, писали журналисты, которые не вылезая из бара договорились между собой.

– **Сейчас вы поете премьеру в Новой Опере. Почему именно «Риголетто»?**

– Это была моя мечта. И, по-моему, очень интересный спектакль получается.

– **Что, где, когда еще будет новенького?**

– Новое – цикл Шостаковича на слова Микеланджело. Но мне к нему еще надо попривыкнуть. Надеюсь, что в следующем сезоне спою его в Москве. Конечно, пою в операх. Меньше в русских.

Недавно спел Грязного в «Царской невесте» в Сан-Франциско. Не понравилось. Думаю, это случилось первый и последний раз. Но надо же было попробовать. В «Метрополитен» пою Андрея Болконского.

– **А Верди?**

– Сейчас все больше театров приглашают меня в центральный вердиевский репертуар. Я ждал этого лет пятнадцать-двадцать. Музыка Верди – это красота, блаженство. Уже спел папу-Жермона, Родриго в «Доне Карлосе», Франческо в «Разбойниках» в Ковент-Гардене – это такой про-Яго, которого Верди создал в молодые годы. Буду петь Риголетто в Хьюстоне в следующем году.

– **А «Воццек» Берга?**

– Ну, это лет через двадцать пять! Может быть, тогда и попробую современные звучания и Берга, и Шенберга... Хотя трудно представить себе, что через десять лет мы собой будем представлять, не говоря уже о моих творческих планах.

– **Романсы не забросите?**

– Наоборот: в планах – ретроспектива романсов от XIX века до наших дней.

– **У вас есть любимые залы?**

– В акустическом понятии – Вигмор-холл. Я выступал там сразу после победы на конкурсе (в 1989 году Хворостовский победил на конкурсе «Лучший голос мира» в Кардиффе. – Н. З.). Хорошая акустика в Карнеги-холле. В Сиднее.

Люблю Малый зал Санкт-Петербургской филармонии. Большой зал консерватории в Москве – конечно, да! Но это зал-вампир: может быть, там духи витают? Там очень трудно петь. Вообще перед соотечественниками петь особенно трудно. Гораздо труднее, чем за рубежом.

Русская публика – особая. Каждый раз – такое испытание! Страшно просто... Не могу даже объяснить почему. Это публика. не привыкшая потреблять искусство. Она понимает, переживает, любит. На западе классическая музыка – один из элементов развлечения. А для нашего человека искусство – это нечто другое. Это то, чем мы живем. Единственная отдушина и отрада наша.

...Тут Дмитрий Александрович незамедлительно исполнил свой коронный номер – «Средь шумного бала», после которого петь что-либо уже бесполезно. Тем не менее произошло следующее.

Сначала поднялся Павел Лисициан:

«Дорогой Димочка! Ты великий певец с роскошным, ровным, красивым голосом. Ты прекрасный, тонкий музыкант, и я желаю тебе вокального долголетия, интересных гастролей, счастья твоему семейству».

Затем Зара Долуханова:

«Я ваша старая знакомая. Я была в жюри того конкурса Глинки, где вы произвели на нас чарующее впечатление и продолжаете производить его до сих пор».

А потом и Михаил Ульянов:

«Вы сказали, что боитесь выступать перед русской публикой... Не бойтесь! Мы вас любим, обожаем, гордимся вами. Вы – достояние нашего народа. Будьте удачливы и несгибаемы. Бог дал вам столько, что этим богатством надо одарить еще много и много людей!»

Речи патриархов нашей сцены так растрогали Хворостовского, что он, теперь уже без аккомпанемента, спел «Ноченьку» – в шаляпинской манере и в то же время как исповедь, напомнившую каждому в безмолвном зале, как одинок артист в самые высокие минуты своего творчества.

Наталья Зимянина